
Часть третья

ПОЭМА РАЗДВИГАЕТ ГОРИЗОНТЫ

УСТРЕМЛЯЯСЬ К НОВЫМ РУБЕЖАМ

В книге Олега Шестинского «Жизнь» есть такие строки:

Читайте высокую прозу,—
в ней облик эпохи,
и петь не захочешь про розу,
про ахи и вздохи.

Ты, проза, не беглая мода,
но вечная школа,—
мука для родного народа
крутого помола.

Можно порадоваться за нашу прозу. Все верно. Проза сейчас высоко стоит, далеко видит, расширяя духовные горизонты современной жизни. Да только зря обижена строкой «про ахи и вздохи» поэзия. Если лирика последних лет и впрямь не может похвалиться особыми достижениями, то этого не скажешь о поэтическом эпосе, особенно о поэме. Вот и у самого Шестинского вышел ряд стихотворных произведений большой формы, составивших интересную книгу поэм.

Конечно, жанр поэмы труден, требует для овладения им значительного таланта, большой духовной и гражданской зрелости. И тем не менее есть основания утверждать, что поэма вступает в новую полосу своего развития, что в ней происходят серьезные и плодотворные изменения. Сейчас и в больших, и в малых жанрах поэзии возрос масштаб осмыслиения жизненного материала, заметно расширилась социально-историческая проблематика, усилилось стремление теснее увязать факты

дней нынешних, события дальнего и близкого прошлого с основополагающими вопросами бытия. Естественно, такая серьезная творческая задача по плечу скорее все же большой стихотворной форме. И не случайно последние годы ознаменовались появлением таких принципиально важных для ее дальнейшего развития произведений, как поэмы «Даль памяти» Егора Исаева и «Женитьба Дон-Жуана» Василия Федорова (их мы рассмотрим в следующих главах книги).

Как в поэзии послереволюционной поры, вызванной к жизни огромными социальными изменениями, в современных поэмах вновь мощно зазвучала проблема Человека.

Так, например, Юстинас Марцинкевичюс новым своим произведением включается в давно ведущийся, но по-прежнему актуальный спор о человеке, его природе, назначении на земле. Знаменательно, что для решения остросовременных вопросов поэт обращается к древнегреческой культуре. В истории европейских цивилизаций мы не раз сталкиваемся с резким обострением интереса к Элладе, где зарождались представления о гармоничной человеческой личности, согласии ее жизни с жизнью природы и общества. Всеобъемлющий, всепроникающий высокий смысл поведения главного героя «Поэмы Прометея» возникает из унаследованных нашим временем гуманистических традиций прошлого,озвучности наших дней поре «детства человечества». Для Прометея овладеть огнем значит сделать еще шаг к постижению взаимосвязи и взаимообусловленности всего, что окружает человека, к совлечению покровов с чудес, к превращению их в общее достояние. Передать огонь людям... В этом он видит залог духовного распрамления людей, освобождения их от всех и всяческих зависимостей.

...Люблю людей,
Я их жалею —
Вот почему я выбрал этот путь.
Познать людей
И несмотря на это
Познанью роковому вопреки
К ним сохранить любовь —
Не только жалость —
Здесь счастье для меня.

(Перевод А. Межирова)

Антиподом Прометея выступает в поэме Зевс. Он вовсе не тиран, не лишен своеобразного чувства сострадания к людям, но совершенно не может воспринять их как равных себе, богу.

...Все они пока
Божественного дара недостойны.
Ты убедился сам:
Они — рабы!
А ты хотел их превратить в бессмертных
И приравнять к богам.

В поэме непримиримо столкнулись два взгляда на человека, две враждебные философии. И весь ход развития событий в поэме не оставляет сомнения в конечном торжестве гуманистических, демократических идей.

Мне уже приходилось писать, что при всем том, что произведения Марцинкевича, как правило, создаются на историческом материале, они современны не только по своему идейному значению. Их актуальность выражается и специфическими художественными средствами.

Например, в «Поэме Прометея» от известной мифологической истории сохраняется только ее героический смысл, а сама ситуация чрезвычайно приближена к реальной исторической обстановке. Так, Зевс оказывается крупным рабовладельцем, Прометей — горным пастухом. Происходит реалистическое наполнение мифа. Поэтому характер Прометея теряет свою исключительность, идея произведения приобретает глубоко конкретно-демократическое звучание, в существе своем выражая дух нашего времени и дух нашего общества.

Диктуемая жизнью потребность в выдвижении концептуальных идей, способных охватить существеннейшие стороны современной духовной жизни, выражается в поэме в создании емких характеров, у которых индивидуально-психологические черты совмещаются с весьма абстрактными, символическими. Марцинкевичу в «Поэме Прометея» удалось добиться, я бы сказал, сбалансированного равновесия чувственно-конкретного и абстрактного в художественном образе, благодаря чему и Прометей, и Зевс, и Гефест, и другие персонажи воспринимаются и как борющиеся, страдающие, действующие живые люди, и как символы определенного жизненного поведения.

По этому же пути, но, конечно, пользуясь своими специфическими средствами, идет и Олег Шестинский в своей поэме «Одиссея Михаила Петрова». Уже в самом названии произведения подчеркивается интерес ко всему общему в индивидуальной жизни. Михаил Петров — один из корреспондентов автора — человек, мечтавший стать поэтом, а ставший солдатом, испивший до дна чащу страдания, горя и унижения. Война и семью его растерзала, разметала по свету, и его самого провела по дорогам концлагерей и подневольной работы.

Автор, знакомя нас с этапами многострадальной жизни Михаила Петрова, не просто поворачивает ее к нам то одной, то другой гранью. Он все время пытается высветить в делах, мыслях и поступках обыкновенного советского человека общечеловеческое содержание, рассказывает о судьбе Михаила Петрова как о судьбе человеческой. Он присматривается к своему герою, пытаясь выявить природу стойкости людского духа.

...Не верно,
что исчезает доблесьть без следа.
Она ложится семенами в землю,
и мужества великий урожай
постомки пожинают...
Свершивший подвиг —
селятель добра.

Автор снова и снова упорно взбирается по ступеням духовного возмужания своего героя, ощущая всем своим сердцем подъемы надежд и провалы разочарований, чтобы получить право сказать в конце, что сердце человеческое «ныне создано для того, чтобы понять мир и беречь мир».

Заряженность художественной мысли общими вопросами бытия при целеустремленном желании проследить конкретную человеческую судьбу побуждает художника к поискам сложной и оригинальной формы. Поэма «Одиссея Михаила Петрова» весьма характерна для одного из направлений художественных исканий в этом жанре. Она, что называется, монтажна — искусно сложена из разнородных фрагментов. В нее входят отрывки из дневника автора, путешествовавшего по земле древней Эллады, стоявшего у подножия горы Парнас, шагавшего по деревне Олимпия. Тут же мы встречаем строки писем Михаила Петрова автору, ответы официальных учреждений на запросы о судьбах членов

семьи Петрова, письма к Петрову знакомых и незнакомых людей, плачи матери Петрова, размышления автора о судьбе Петрова и о многих тысячах сходных судеб. Роль искусного режиссера, объединившего весь этот пестрый материал, выполняет лирическая философская мысль о человеческой судьбе в этом неспокойном мире.

Женская доля, женская судьба раскрывается в поэме Ларисы Щасной «Последняя забота». Мы застаем героиню произведения, старую женщину, накануне окончательных ее расчетов с жизнью. Изболевшееся сердце находит последнюю усладу в горьких воспоминаниях.

Пока время не задуло
Душу Марьину в упор,
Он течет за думой дума,
Одинокий разговор.

Образ почти лишен индивидуальных примет. Автор оставляет в нем лишь самое сокровенное. Но вот оно-то и оказывается тем всеобщим, что сближает героиню с тысячами других русских женщин, превращая ее характер в символ, в судьбу.

Была война. Была семья. Был сын любимый, был муж любящий. А что осталось?

На войне — за битвой битва,
Человек — в стогу игла.
Материнская молитва
Сыну, знать, не помогла,
Ты прости-прощай навеки,
Муж мой верный, дорогой.
Промеж нас — леса и реки,
Неприветный край другой.
Может, так оно и лучше.
Я привычна — за двоих.
Пусть ничто тебя не мучит,
Не тревожит снов твоих.
Знай одно: что счастье было,
Была молодость ключом,
Я тебя не позабыла.
Спи. Не думай ни о чем.

Исповедь исстрадавшейся, но несломленной души глубоко волнует, наполняет гордостью за человека. Поэме Л. Щасной органически присущ народный взгляд на жизнь. Она пронизана фольклорной образностью.

...Народнопоэтическая традиция продолжает оставаться животворным источником, мощно поддерживающим творческое вдохновение. Небольшая поэма известного узбекского поэта Хуснутдина Шарипова «Привет от Сатвалды!» создает обаятельный образ бригадира, сельского механизатора, воплощающего в своем облике и поведении черты народного характера. Сюжет поэмы прост. Автор едет набираться жизненных впечатлений, его путь лежит в колхоз к знаменитому бригадиру Сатвалды. Но знакомство с ним начинается уже в дороге. Случайные попутчики автора рассказывают о Сатвалды разные истории, в которых правда смешалась с вымыслом настолько, что они уже не могут друг без друга существовать, образуя сплав, подобный народной молве о Ходже Насреддине. И хотя имя любимого героя бесчисленных восточных сказаний прямо не называется в поэме, но атмосфера узбекского фольклора, связанная с этим легендарным образом, ясно ощутима в произведении Х. Шарипова.

Последующее личное знакомство автора с героем укрепляет сложившееся в начале поэмы представление о Сатвалды. Скупо намеченные вехи его жизни — трудное детство, дороги войны, послевоенные тяжелые годы — объединяют его судьбу с тысячами людских судеб по всей нашей стране. Характер колхозного бригадира в большом поэтическом обобщении воспринимается как символ хозяина родной земли.

Поэма интересна не только образом центрального героя. В ней тонко передана поэзия природы, находящейся в гармоничном соответствии с духовной красотой живущих на ней людей, берегущих и украшающих ее своим трудом.

Мир шумел
Листвой густою,
И дышало все вокруг
Жизни трудовой
Настоем,
Делом неустанных рук!
Запах сада-огорода,
Стук мотора
В тишине...—
Все о доле землероба
Здесь рассказывало мне...

(Перевод А. Передреева)

Свойственная современной поэзии философичность проявляется не только в обращении к важнейшим вопросам бытия, в масштабности осмысления крупнейших проблем духовной жизни человека. В конце концов, нельзя же себе представить высокое чело поэзии вечно изборожденным следами мучительного размышления. Это было бы довольно скучным зрелищем. Да и между простыми, обыкновенными проявлениями жизни и нагорными высями духа дистанция не столь уж велика; во всяком случае, связь-то существует.

Отрадно отметить, что философичность становится общим достоянием всей современной поэзии. Она не покинула уже обжитый ею проблемно-тематический уровень, но вместе с тем не задержалась только на нем, стала распространяться по всему художественному организму поэзии.

Обратимся хотя бы к прекрасной небольшой поэме Давида Самойлова «Снегопад». В ее основе — бесхитростная история. Молодой солдат во время войны приезжает домой на побывку. А родные и близкие все до одного из города эвакуированы. И он оказывается один, совсем один во вдруг ставшем ему чужом городе. Его пожалела и приютила у себя молодая женщина, чем-то напоминавшая ему одну знакомую еще по прежней, до-войной жизни, а может, и на самом деле это была она?.. Она его увидела растерянного, все поняла, не оттолкнула черствостью, повела через весь город к себе...

И все это время, пока они шли, о чем-то тихо разговаривая, их сопровождал, неотступно следя рядом, чистый, белый, густой снег... Снегопад, как стеной отгородивший их от всего и вместе с тем вдруг связавший своей свежестью и чистотой со всею на дальнюю глубину просматриваемой прежней жизнью.

Трудно выразить чувство, которое охватывает при чтении этой небольшой поэмы. Лучшим здесь было бы, кажется, слово «завороженность». Каким образом весьма обычная земная житейская история вдруг обернулась щемящей тоской по настоящей любви, настоящей жизни — это, видимо, навсегда останется тайной истинной поэзии. Всему виною снегопад, все вдруг странно сместивший в привычном мире, открывший на мгновенье тропу в иное, не сиюминутное измерение. Маги-

ческая волшебная власть искусства вдруг помогла физически ощутить судьбу молоденького солдатика как продолжение бескрайних просторов России, с ее воздухом, которым дышит, как дышали его предки. Всему виною снегопад...

Вдруг снег посыпал. Клочья ватки
Слетали с неба там и тут,
Потом все гуще и все чаще,
И вот солдат как в белой чаше
Полузасыпанный стоит
И очарованный глядит.

Этот пушкинский снег, пушкинские дали и прозрачность вдруг придали поэме глубину и объем. Война не ушла из произведения. Но она потеряла свой грозящий гибелью смысл, стущевалась перед огромным, всеохватывающим правом человека счастливо жить на земле.

Видимо, не случайно идущий в поэме снег связывается невольно с образами поэзии Пушкина. Здесь, как мне представляется, дело обстоит не только в следовании пушкинским художественным традициям, что характерно для творчества Самойлова. В структуре современного художественного мышления становятся заметны элементы зрелого «пушкинского» искусства, постигающего гармоничность жизни через преодоление ее драматических и трагических коллизий. Черты такого «пушкинского» искусства могут проявляться в русле пушкинской художественной традиции, как, скажем, у Самойлова в поэме «Снегопад», а могут и как-то иначе.

Некоторые, даже весьма талантливые, поэты, прославившись первыми книгами, насыщенными автобиографическим опытом, в дальнейшем сознательно избегают выходить за рамки своего определившегося поэтического русла. Большой же поэт внутренне протестует против такого прокрустова ложа, пускай даже и им самим когда-то сооруженного. Его отличает нарастающая жажда интеллектуального и морального совершенствования, постоянного расширения духовных горизонтов.

Ольгу Фокину часто относят к так называемым «деревенским» поэтам. Она же — просто поэт, серьезный, ищущий художник. Верно, ее творчество питается знанием деревенской жизни, воспоминаниями о деревенском детстве, но жизненный материал осмысляется с

высот духовного совершенства, достигнутого нашим обществом. Поэма «Полудница» построена на воспоминаниях о детстве. Детство было военное, голодное — «травой желудок обманув порожний, мы шли, глотая слезы, в детский сад». Детство было голубое, безоблачное, сказочное, каким и должно быть детство. Речка, кузница, поле, дороги, тропинки, огороды, лес, солнце, облака... Да мало ли таинственного и прекрасного окружает деревенского ребенка!

Слившиеся мотивы горечи и радости военного детства определили индивидуально-художественную образность поэмы.

Вскарабкались. Внизу — река. А встречь
Таким из поля духом навевает,
Как будто только вытоплена печь
И за заслонкой дышат караваи.

Радует точно найденная связь образов с психологическим состоянием героев поэмы — деревенских ребятишек, которые в суровую военную пору редко видели хлеб, и мысль о хлебе, сам вид его в воображении сопровождали их постоянно, вплетаясь даже в восприятие природы. Сочетание в самой художественной образности поэмы прозы и поэзии восходит к существу замысла — показать торжество жизни через преодоление конфликта между фольклорно-сказочным и обнаженно-житейским в ней самой.

Сказочное диво Полудница — «как васильки, синющие глаза, мигнут — и нету! Вновь мигнут — исчезнут!».

Кричат, кричат в ночи перепела
И выкликуют прошлое из праха...
Тогда во ржи Полудница жила:
До пят — волосья, о землю рубаха.

Эта Полудница, которой так пугались ребятишки, ходившие в ее ржаные владенья собирать упавшие колоски, оказалась знакомой теткой Полинахой, тайком наведывавшейся в рожь, чтобы не остаться без хлеба.

...И в ранний час покинувши поветь,
Тайком от мамы — с плахи да на плаху,—
Мы убежали с братом: посмотреть,
Как забирают тетку Полинаху.
Дорогу километра в полтора

Мы одолели рысью — успевали.
Потягивая воду из ведра,
Оседланные лошади стояли
У сельсовета.
Распахнулась дверь,

И вышла...
Разве это — Полинаха?
Ее мы близко видели теперь
И снова чуть не умерли от страха:
Полудница!

Реальная жизненная драма, лежащая в основе произведения, не отменила красоты мира. Но авторское сознание навсегда укрепилось в убеждении, что истинна только та красота, которая помнит, какими страданиями она оплачивается. Оказавшись в родных местах, героиня поэмы вместе с постаревшей матерью проходит «по старым полосам, впитавшим запах новых удобрений». Мать сетует на то, что у многих изменилось священное, трепетное отношение к хлебу. Говорит: «Далеко — здравим. А близко — не кажи: не различаем, шибко даль-нозорки». Для лирической героини поэмы и в нынешнем ее состоянии остаются живыми те давние дни детства. Она упрямо настаивает на истинности вспыхнувшей тогда в душе красоты.

А мне никак не выпрямить спины,
Не разогнуть колен... такая мука!
Гляжу в упор на зерна.
С той войны
Я до сих пор осталась близорукой.

Нетрудно заметить, что в основе довольно большого числа поэм последних лет лежат частные, иногда сугубо биографические факты. И тем не менее не создается впечатления, что авторы пошли на слишком большой риск, заведомо поставив себя в весьма невыгодное положение. В конце концов с разной степенью художественной убедительности эти непрятязательные факты преображаются в факты поэзии. Через них начинает просвечивать что-то глубоко укорененное и в истории, и в нашем настоящем. Само поэтическое мышление обогатилось на современном уровне какой-то дополнительной прозорливостью, позволяющей охватить мир и жизнь совокупно даже и в том случае, когда в сфере непосредственного рассмотрения оказываются частные, узкие, локальные темы. Можно себе представить, ка-

ким масштабом эстетического воздействия будет обладать произведение, обращенное к узловым вопросам жизни, если современность художественного мышления будет реализована в нем на всех уровнях: тематическом, проблемном, идейном, образно-поэтическом! «Нам нужно искусство больших обобщений. Шекспир, Гёте, Бальзак, Пушкин, Свифт, Данте, Толстой, в наше время Горький потому так высоко стоят над общим уровнем литературы, что их искусство — искусство большого исторического синтеза»⁸⁷.

Духовная культура общества развитого социализма достигла своей зрелости в результате глубокого усвоения создаваемых всеми народами духовных ценностей. Сегодняшняя социально-нравственная и культурно-эстетическая атмосфера благоприятна для больших творческих взлетов.

Я был бы чересчур большим оптимистом, если бы решился назвать определенные произведения современных авторов, способные стать рядом с классикой по высоте идей и силе образов. Но думается, что категорический императив А. Фадеева: «Нам нужно искусство больших обобщений» — услышан в современной поэме.

Поэма в целом, как жанр, испытывает сейчас ощущимый творческий подъем. Ясно осознаваемые драматизм жизни, ее трагические изломы и коллизии не приглушают торжественных аккордов жизни, продолжающейся несмотря ни на что. Скрытая гармоничность бытия, улавливаемая сквозь пестроту и хаос быта, все более овладевает сознанием современных авторов. Влечение к всеобщности, к прочерчиванию универсальных связей повышает роль логической мысли в создании художественного мира современной поэмы. Вместе с этим возникает и риск ослабления эмоционального строя в произведении. Философскому размышлению временами грозит опасность оторваться от конкретного действия, от активного проявления человеческого поведения в поступке, деле, подвиге.

Понятно, что общая устремленность к постижению тайн бытия не всегда заканчивается созданием совершенных творений. К сожалению, часто вместо художественно завершенного целого мы получаем отдельные его части. Взамен поэмы — цикл лирических стихотворений или стихотворных новелл.

А случается, что в произведение вдруг вторгается выспренняя риторика, подменяющая собой дух подлинного художественного исследования. Отдельные части поэтического здания «проваливаются», художественное впечатление смазывается. Да, жанр поэмы труден. Здесь сразу становится заметной поэтическая бескрылость и серость, какими бы громкими фразами они ни заявляли о своей актуальности. А что греха таить — встречаются еще на страницах газет, журналов, книг разработки «горячих» тем, написанные холодными руками. Некоторые современные поэмы грешат чрезмерной гиперболизацией и символикой, за которыми слабо просматривается конкретное действие, активное проявление человеческого характера.

Поэма, тем более книга поэм, не может осуществляться безной жизнетворящей и жизненаполняющей идеи. Художник, чуткий к движению своего времени, задумывающийся о будущей жизни, не может не ощущать его неразрывной связи с прошедшим, с судьбой своего народа, протяженной в истории.

Пером Александра Романова движет любовь к родным местам, России, умом и сердцем владеет чувство национальной гордости. Как-то так получилось, что своеевременный разговор об экономических нуждах российского Нечерноземья выставил в неоправданно страдальном свете иные сферы бытия этих исконно русских краев.

Между тем здесь середина нашей Родины, ее сердцевина, исток ее национальной гордости, народной нравственности. А. Романов и пишет в своих северных поэмах об этом — о действительных трудностях сегодняшней жизни села, но все время не теряет из виду внушающую гордость историческую ретроспекцию и историческую же перспективу. Авторские размышления — серьезные, глубокие, всегда основательные — зиждутся на знании жизни, на реальных судьбах конкретных живых людей. Его сборник «Северные поэмы» — это единая книга, целостный идеально-художественный организм.

Вся его поэтическая речь раскрывает образ обстоятельного деревенского мудреца, пекущегося не только о том, что вокруг близко ему и сызмальства знакомо, но, главное, о благе страны, всех людей. Это — извечный для России тип человека-праведника, стремящего-

ся во всем дойти до корня, постигнуть суть жизни. А социальные преобразования, произошедшие на земле, лишь еще более обострили его думу о праведной жизни. «Лишь не спеша я понял, что земля — не пашня. А что земля — моя душа», — говорит старик поэту.

Душа, в нее попробуй вникни,
Коль там межа по-за меже,
Какие есть на свете книги,
Все, до единой, о душе.
Писали люди их веками
И ныне пишут хоть куда.
И все вникают, все вникают,
Не знаю, вникнут ли когда.
А я хоть темен был, но понял,
Что хоть греши, хоть не греши,
А начинай устройство поля
С устройства собственной души...

При первом чтении поэма «Черный хлеб» производит впечатление стихотворной повести. В ней довольно последовательно освещена жизнь сельского жителя в его родных местах. Произведение изобилует приметами деревенского быта, местных обычаяев. Кратко, но выразительно охарактеризован целый ряд односельчан. Но произведение развивается не только в плане частной судьбы, раскрываемой в поэме. Автор, сердцем соприкоснувшись с думами и заботами героя, как бы продолжает развивать его мысли, приходя к «освежающим душу раздумьям» о чести и достоинстве человеческой жизни вообще.

Произведение, таким образом, получает объемное, эпическое наполнение. Частности и подробности, которые в иных случаях могли бы стать путами для серьезных и глубоких мыслей, здесь вносят живое тепло подлинности, невыдуманности.

Особенностью поэмы «Черный хлеб» является сложное, но гармоничное совмещение изображаемых человеческих судеб с движением авторской мысли, причем одно от другого неотделимо.

Мысль автора берет начало в северной глубинке, в трудовом селе, она возникает из чувства кровной проприячности к его нелегкой жизни. И как бы далеко ни забирался поэт в своих размышлениях, поднимаясь до вопросов общенациональных и общечеловеческих, он непременно вновь и вновь обращается к малой родине. Характерен финал поэмы, уверенно передающий слитность малого и большого, личного и всеобщего начала.

Я выбираюсь на проселок древний,
А он пластом чернеет и ползет.
Куда ни гляну — врублены деревни
Сплеча, с размаху в русский горизонт.
Они стоят бесхитростно и просто
И доживаются век великий свой.
Деревни, родовые наши гнезда,
Омытые грозовой синевой.
Но сердце ничего не позабыло,
И я поклоном кланяюсь земным
И слово древнерусское «спасибо»
Произношу всем существом своим.
И, сорванное с губ зеленым ветром,
Подхваченное клином журавлей,
Осыпанное белоцветьем вербным,
Оно летит над родиной моей!
Летит, летит и набирает силу
Других, душеозвучных голосов.
Спасибо, деревенская Россия,
За колыбель,
Науку,
Хлеб
И соль!

Поэт видит, что новая жизнь резко меняет уклад деревенской жизни, но его взор не затуманивается ностальгическими воспоминаниями, искажающими реальную перспективу движения сельщины к лучшей доле.

Наследником дел и мыслей старика крестьянина становится в поэме так непохожий на него и вместе с тем по-настоящему кровно с ним связанный тракторист Николай Быстров. Таким же наследником мы чувствуем и лирического героя поэмы.

Для поэмы, думается, очень важна была во все времена полнота отражения жизни, в той или иной мере проявляющаяся энциклопедичность. А. Романов и в этой, и в других своих «северных» поэмах удачно, как я уже сказал, сопрягает местный и всеобщий планы показа жизни. Но помимо этого мы, читатели его поэм, постоянно пребываем в особой атмосфере подлинности происходящего.

Авторская речь то серьезна, то озорна, в ней есть место и думе и шутке — всему спектру человеческих эмоций.

Вот хотя бы в том же «Черном хлебе» имеет место и веселая грустинка («О женитьбе»), и печаль большой трагедии («О войне»).

Он стол с посудой отодвинул,
В толпе рукой расчистил путь
И разогнул сухую спину —
Все мужики ему по грудь.
Он инвалид, нога не гнется
В колене, ходит — что метет.
А тут, глядим, на пляску рвется
И ногу вытянул вперед.
Все расступились. Слышим только,
Как он, рубаху теребя,
Кричит одно: «Эх, Колька, Колька!
А я хоть топну за тебя...»

Эта встреча ветеранов по своему драматизму и силе напоминает гениальное стихотворение М. Исаковского «Враги сожгли родную хату». Те же обычаи, тот же был народный, народная речь и взгляд на вещи и события.

Разные произведения вошли в книгу А Романова «Северные поэмы». Но, дополняя друг друга, составляя своеобразную мозаику жизни, они образуют единый поэтический мир.

Например, в общей системе размышлений о прошлом и будущем России, характерной для книги «северных» поэм А. Романова, свое определенное место занимает и свою определенную роль играет поэма «Три зари». Она не снабжена авторским комментарием — просто история о драматическом чувстве, по-разному, но одинаково трудно отзовавшемся в сердцах троих людей.

И смеялась, взлетела Машка
В пene зеленосенной,
У колен ее рубашка
Провихрилась белизной,
Что за дьявол в этой бабе?
Придусть грешная сладка,
Будто с маxу на ухабе,
Покачнуло мужика.
Все забыл: свою Наталью,
С коей тянет целый век,
Годы, скрытые за далью;
На висках, в сенинках снег;
Хвори, боли и осколки,
Сторожившие войну,—
Все забыл и видел только
В небе женщину одну.

Поэма дышит настоящей страстью, привлекает красотой больших чувств, убеждает в могучем нравственном здоровье народа. И поэтому, несмотря на драматичность судьбы каждого из героев, поэма оптимистична, распахнута для большого раздумья о мире и человеке.

Народная мысль, народные характеры, народный быт, народные поэтические образы и язык — слагаемые художественной цельности книги поэм А. Романова. Пользуясь даже в авторской речи народным языком, языком разговорным, и идя в этом случае за А. Твардовским, А. Романов в своих поэмах прибегает и к иным, эстетически более закрепленным формам народной речи и образности.

Не шумите вы, машины, сбавьте скорости:
Здесь земля не роженица, а печальница.
Церковь древняя свечой белеет горестной
И с годами убывает, утончается.
Из каменьев да из белых так поставлена,
Что в полях, в лугах, в лесах сверкает бликами.
Здесь могила вековечного крестьянина —
Мужика, Солдата, Пахаря великого.

В поэмах А. Романова и частушка, и говор, и былина, и плач гибко отражают смену психологических состояний героев и автора, сообщая художественному строю произведений необходимое эстетическое разнообразие и богатство.

Народность — это, может быть, самое главное, что цементирует, скрепляет «северные» поэмы А. Романова.

Хотя сборники поэм нередки, однако книга поэм как целостное жанровое образование получается не часто. Здесь мы можем вспомнить лишь «Середину века» Луговского, ставшую одним из важнейших поэтических явлений поэзии 50—60-х годов. К этой книге поэт пришел как к итогу продуманного и прочувствованного. Время Октябрьской революции и опыт Европы и мира, переживших две мировых войны, гулом отдаются под сводами этого огромного поэтического храма. Все в ней, этой книге поэм, масштабно, гулко, выпукло, резко. Экспрессивная романтическая манера письма, волевые интонации, величественные символы-образы. «Середина века» представляет собой замечательное художественное явление, составляющее одну из золотых страниц русской советской поэзии. Но уже во времена создания и появления этой книги поэм можно было заметить и другие произведения, которые свою художественную целостность обретали на иных творческих путях. В частности, поэма «За далью — даль» А. Твардовского при всем воспарении авторской мысли твердо держалась за

приметы обычной, реальной жизни, отличалась вкусом к подробности, к быту, к обычной жизни человеческой. Правда, книга поэм, основанная на эпическом мироощущении, в те годы не появилась. Время было иное, благоприятствующее взлету лирики. Но потенциально существовала вполне реальная возможность для появления книги поэм, в которой бы ведущим был эпический принцип создания и воплощения мира и человека.

Сейчас такое время вроде бы наступает. Диалогия Е. Исаева «Суд памяти», «Даль памяти», вытекающая в значительной мере из поэтического русла, проложенного Твардовским, Исаковским, Прокофьевым, лучшее подтверждение этому. Но мы видим и книгу поэм А. Софронова, основанную на смешанных лирических и эпических принципах, видим книги поэм О. Шестинского, А. Преловского, в которых доминирует лирический принцип.

В поэмах Е. Исаева, В. Федорова основное внимание сосредоточено на людях и событиях. Авторское отношение реализуется в системе образов, в размышлениях о жизни страны. Через индивидуальные проявления жизни мы видим, что автора волнуют общегражданские идеалы. Такой характер авторской мысли и такое построение и движение системы образов оставляют мало места для собственного авторского проявления личности. Оно как бы растворено в объективных картинах.

Олег Шестинский в своей книге поэм предстает художником иного склада, нежели Исаев, Федоров, Викулов. «Лестница», «Одиссея Михаила Петрова» и другие (всего 8) поэмы объединяются в нечто целое тем, что лирический герой глядит на все явления и события глазами человека, представляющего определенное поколение.

О век Бабьих Яров и Лидиц,
век слезных соленых морей!
Я жив еще, я — очевидец
жестокой блокады моей.

Авторская позиция — это позиция поколения, чье детство и отрочество было опалено войной, тем не менее она не замкнута в каких-то временных границах, не сужает поля авторского зрения. Жизнь поколения, к которому принадлежит поэт и взгляд которого выражает лирический герой, отличается такой социально-нравст-

венной заостренностью, что приобретает всеобщую значимость.

В творчестве Шестинского, хотя и по-иному, чем, скажем, в поэмах Федорова или Викулова, тоже выражались общегражданские идеалы.

По творческой манере Шестинский — поэт, склонный к субъективно-напряженным формам поэтического высказывания. Нетрудно увидеть: о чем бы в его произведениях ни шла речь, мы ощущаем реальную поэтическую личность. Лирическая публицистика и философская медитация — основные характеристики его творческой палитры.

На самом краю моей деревни
есть каменная глыба,
напоминающая обликом две половины
человеческого сердца.

«Смотри,—
говорил мне Садых,—
этот камень как символ братства
армян и азербайджанцев,—
сердце не может жить, если оно не из

двух половин».

«Прекрасны слова твои»,—
отвечал я Садыху и думал:
если человек с доброй улыбкой,
открытым взглядом,
мужественным сердцем
взрыхляет землю,
бросает в нее семена и ждет земных всходов,
то он соберет урожай не только для

своей семьи,

но и для людей Земли.

Будь Садовником земли,
створи простое чудо —
для всего честного люда
поле заступом взрыхли.

Мы видим, что поэтический текст в своем движении претерпевает разные изменения в сторону большей или меньшей объективизации, но никогда он не отрывается от голоса самого автора — лирического героя: ни тогда, когда этот голос как бы передается некоему Садыху, ни тогда, когда этим голосом нам сообщается некая информация («на самом краю моей деревни» и так далее), ни тогда, когда этот голос из индивидуального превращается в надындивидуальный, демиургический («будь Садовником земли» и др.).

Как мне представляется, в такой манере письма есть

и сильные и слабые стороны. Конечно, страдает пластика, выразительность, образность. Но произведение выигрывает в напряженности мысли, в ясности ее для слушателей, в прямом связывании малого с большим, преходящего с вечным.

Шестинскому при всем его индивидуальном своеобразии ближе творческие принципы романтически приподнятого и субъективно насыщенного поэтического слога, характерного для «Середины века» Луговского.

Вообще книга поэм как целостное жанровое образование — это еще страна не изведанная для поэзии, и здесь возможны всякие эксперименты. В известной мере экспериментальна и книга Шестинского. Я не говорю уже о том, что автор обильно вводит в поэтическую ткань отдельных произведений, составивших книгу, прозаические фрагменты. Но он помещает в книгу поэм и не поэмы, включает баллады. Баллада же сама по себе — иной жанр, внутренне себя исчерпывающий в своих собственных пределах. Поэма же как жанр — не исчерпаема ни в содержании, ни в форме, разомкнута в пространство и время. Тем не менее и «Баллада о матери», и иные баллады, входящие в книгу поэм Шестинского, не выглядят в ней иородными телами. Они привились ко времени и к месту, дополнив и обогатив общий смысл и художественный эффект.

Поэмы Шестинского, Федорова, Исаева — образцы произведений, созданных на основе разнородных принципов. И, как видим, это не помешало им состояться в качестве полноценных художественных явлений. В реальной сегодняшней художественной практике мы, однако, чаще сталкиваемся с соединением у одного поэта и даже в отдельном произведении примет разных художественных систем. Представляется верным наблюдение поэта Валентина Сидорова относительно поэм Софронова, в которых он заметил перекличку с его же собственными драматургическими произведениями, сложный синтез лирики и эпоса.

Рассматривая эти десять разных поэм, собранных под одну обложку, мы видим, что они обладают внутренним единством, как бы развивая и обогащая одну генеральную тему поэта — тему духовного богатства советского человека, варьируя ее широко, объемно, глубоко, отыскивая в ней корни и истоки, преодолевая дра-

матизм и трагедийность жизни, оптимистически устремляясь в грядущее.

Можно согласиться с критиком Евг. Осетровым, писавшим недавно, что «перед нами одно крупное лиро-эпическое творение. Современное поэтическое полотно — книга поэм» («Литературная газета», 1979, 14 ноября, с. 4).

В книге поэм обязательно соединение зрелости таланта и «зрелости» времени, то есть завершенности известного исторического этапа. Вспомним снова «Середину века» Луговского. Одно лишь название книги говорит о многом, наводит на размышления, побуждает к осмыслению огромного социально-философского опыта.

В книге поэм Луговского с большой поэтической силой утверждается гуманистический смысл нового века, открытого Великой Октябрьской революцией. Книга поэм складывалась в этом случае как некий итог творческих поисков.

Обычно так и бывает — в жанровом смысле книга поэм складывается непроизвольно, стягивая наиболее значимое в творчестве поэта в новое единое целое. Сейчас, правда, нередки случаи обозначения жанра задолго до завершения начатой работы. К примеру, у Анатолия Преловского в его новой книге «Вековая дорога» уже обозначен жанр — «свод поэм», тогда как вошедшие в книгу известные произведения «Насыпь», «Станция», «Заповедник» — лишь начало воплощения большого замысла, конца и края которого, как говорится, не видать. И тем не менее «свод поэм» — какое-то в перспективе жанровое единство. И книга Валентина Устинова «Большак» названа автором «книгой поэм» совершенно сознательно. И книга поэм Олега Шестинского тоже. Подобные примеры можно было бы умножать. Они свидетельствуют о, так сказать, «поэмности» сегодняшних поэтических поисков и решений. Дело не в том, что поэма, как считают некоторые критики, теснит сейчас лирику. Само поэтическое сознание сегодня — и это проявляется как в эпике, так и в лирике — одержимо стремлением к всеобщности, к соотнесению индивидуального со всеобщим. Поззия наших дней устремлена к синтезу духовного опыта человека, общества, мира, к установлению гармонии между миром разума и жизнью природы и космоса.

Я думаю, что даже короткое знакомство с малым числом поэм последних лет со всей убедительностью свидетельствует о том, что наш современный читатель вполне может уже сейчас удовлетворить законную жажду встречи не только с «высокой прозой», как написано в стихотворении Шестинского, которым мы открыли эту главу. Духовным хлебом «для родного народа» стала и высокая поэзия.

Нынешние взлеты в большой стихотворной форме высоко подняли авторитет поэмы, снискав ей репутацию жанра, способного в ярких художественных образах выразить смысл происходящих в нашем обществе духовных процессов, запечатлеть черты характера нашего современника — человека героического действия и нравственного поведения.